

Тамара Кандаля

Эта сладкая
голая сволочь [roman]

CoRpus

Тамара Кандала

Эта сладкая голая сволочь

«АСТ»

2009

Кандала Т.

Эта сладкая голая сволочь / Т. Кандала — «АСТ», 2009

«Эта сладкая голая сволочь» – роман-трэш. В нем много крови и любви. Эротические скрепы прочно стягивают конструкцию, заложенную в СССР совместными усилиями КГБ, западных спецслужб и их не в меру сентиментальных сотрудников. Виртуозное (порой до виртуальности) владение крепежными и смазочными материалами позволило автору с пользой для читателя преодолеть время – от середины 70-х до начала третьего тысячелетия, и пространство – от Москвы до Парижа, от Лондона до Валлетты, от Лиссабона до... Отметим: автор романа – дама, хорошо известная в странах, упоминаемых на его страницах. Сказанного достаточно для восприятия книги, основанной на нереально-реальных событиях, которым автор была свидетелем и в которых принимала участие. Именно поэтому все совпадения случайны ровно настолько, чтобы оставаться случайными совпадениями.

© Кандала Т., 2009

© АСТ, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	21
Начало 1980-х. Москва. Метро.	21
Два года спустя. Квартира Пироговых.	26
Большой Актовый зал Московской школы №1. Вечер.	27
Глава 6	28
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Тамара Кандаля

Эта сладкая голая сволочь

Посвящается J.-P. С.

Автор благодарит алфавит за любезно предоставленные буквы.

Специфику хронологии в данном романе автор считает необходимым препятствием для установления интеллектуального порога восприимчивости.

Автор убедительно просит читателя воспринимать каждое предложение как минимум двояко.

*«Безрукие души,
безногие души, глухонемые души,
цепные души,
лежавые души, окаянные души...»*

Глава 1

«Эта сладкая голая сволочь...»

Эта сладкая голая сволочь – мой кот Адонис, с которого все и началось.

Голая, потому что порода обязывает – канадский сфинкс, иначе – безволосая кошка. Звучит не очень аппетитно. Выглядит соответственно. Но в своем уродстве Адонис неотразим. На кота он похож примерно так же, как я на своего предполагаемого прародителя – человекообразную обезьяну (я даже больше).

Живность эта досталась мне от моей наложницы в качестве прощального, очевидно, подарка. Надо заметить, что наложницей моя пассия величала себя с явным перебором.

Майя вообще отличалась претенциозностью, которую наивно путала с экстравагантностью и хрупкостью ремарковских женщин. Этим писателем она зачитывалась, изучая немецкий в Сорбонне. Тогда же Майя необдуманно вырвала сверху и снизу по два коренных зуба. Ей не давал покоя овал лица Греты Гарбо. Гарбо зубная недостача шла больше. Возможно, потому, что она о ней мало кому рассказывала.

– Je suis belle, drôle et intelligente¹, – говорила Майя почти серьезно. – Чего еще может требовать мужчина от женщины, которая не собирается становиться его женой?

Думаю, при случае, она готова была и терновый венец нацепить на свою буйную голову – с условием, что он будет от Луи Вьюттона.

Связь наша, то затухая, то вновь разгораясь, длилась почти три года, как мне казалось, доставляя удовольствие обоим. Я понимал, что за моменты неожиданного счастья ответственны исключительно органы внутренней секреции. Питательная среда таких, захлебывающихся в себе самих, состояний чаще всего неопределима. Как структура бумаги, на которой печатаются глянцевые журналы: мне всегда казалось, что бумага пропитана чем-то вроде одурманивающего экстракта. Иначе почему в них тонешь без возврата? Я и не уточнял, отчего,

¹ Я хороша собой, умна и весела (фр.).

собственно, Майя не собирается становиться моей женой. Попробуйте сформулировать, что скрывается за фразой «и все такое...»

К тому же непредсказуемость характера, по ее мнению, должна входить в набор обязательных примет «настоящей женщины». Она, например, со значительным видом могла заявить, что до вчерашнего дня любила Европу, а начиная с сегодняшнего предпочитает Азию. И ждала серьезной реакции на свое заявление. Так что ее нежелание выходить за меня замуж сегодня, завтра способно было превратиться в главный аргумент обвинения в контексте моего «чудовищного эгоизма и нежелания обременять себя чем-либо».

В один прекрасный день, который пришелся на мой день рождения, Майя явилась при полном параде. То есть одетая с нарочито роскошной небрежностью, с распущенной львиной русой гривой, в невообразимых туфлях на головокружительных каблуках, благодаря которым становилась почти на голову выше меня (что, не сомневаюсь, обдумывалось заранее). Я был уверен, что этим туфелькам суждено дожить только до первой починки, потому что чинить их моя гламурная пташка сочтет непростительным плебейством. Она их выбросит. Не допустит до греха. Одна знаменитая штучка на вечеринке так размахалась длинными ножками, что все увидели наклейку на подметке ее сапожек. Стало быть обувка сейчас из ремонта. Папарацци увеличил бирку и залепил ею мордашку красотки в паре таблеток.

Майя водрузила на мой обеденный стол огромную дырчатую коробку, всю в бантах.

– Это подарок, – сказала она. И, выдержав паузу, прибавила: – Чтобы ты не чувствовал себя одиноко.

– Спасибо, – вежливо отозвался я. И подумал, что как умная женщина, а Майя безапелляционно себя относил к умным, она давно должна была бы понять: одиночество – привилегия, которой я дорожу больше всего на свете. Это главная составляющая моего эгоизма. Казалось бы, одиночество должно устраивать всех в моем скудном окружении, так как ничего от них не требует. Однако было очевидно, что Майя ждет совершенно иной реакции. И не трудно было догадаться какой. А я ведь не грубое животное и не могу не дать женщине того, чего она ждет...

– Я не одинок, пока в моей жизни есть ты, – произнес я нужные слова. Наверняка Майя читала их миллион раз там и сям и потому выучила наизусть. Я не сделал в тексте ни одной ошибки, слава богу.

– Знаю, знаю... И говоришь ты это положив руку на свой самый главный орган. Я имею в виду сердце... Так вот, это – замена. С ним тебе легче будет играть в кошки-мышки, – в глубинах ее хорошо поставленного контральто обнаружили истерические нотки.

В этот момент из коробки раздался пронзительный звук, похожий на вой охрипшей пожарной сирены.

– Что это?! – спросил я с неподдельным ужасом.

– Посмотри! Ты в жизни не видел ничего подобного, – сказала Майя, развязывая банты и вскрывая изысканную упаковку.

Из коробки вылез маленький сморщенный уродец, абсолютно лысый, серо-бурого цвета с невероятного размера локаторами вместо ушей, мордой химеры и длинным крысиным хвостом. В жизни не видел ничего подобного.

Сначала я решил, что это неизвестная мне доселе обезьянка редкого вида или отродье древней птицы, из птеродактилей. Но существо опять издало пронзительный звук, в котором угадывалось мяуканье.

– Это священное создание. Ему поклонялись в Древнем Египте, – потом я узнал, что Майя говорила неправду, породу вывели не так уже давно. – Оно изменит твою жизнь.

Майя явно наслаждалась произведенным эффектом.

– Ну и что я буду с «этим» делать??!! Тебе известно, что животных нельзя дарить без согласия будущих хозяев? А вдруг у меня аллергия? – отбрыкивался я.

– Вы будете жить вместе! Это лучший партнер, на какого ты можешь рассчитывать. Аллергии на него не бывает – он голый. И, по-моему, кот очень похож на тебя, – добавила Майя злорадно.

Теперь истерические нотки дополнились ироническими – женщину, обладающую всеми мыслимыми достоинствами, не оценили.

Резкость звука микшировалась слабо проступающей нежностью. Как в несложном букете модных духов.

– Хочешь сказать, что ты меня бросаешь?! – спросил я, пытаюсь внести трагизм и в свою интонацию.

– Ты угадал, – сказала она и не к месту расхохоталась; весело, заливисто, почти визгливо. – И на этот раз даже не пытайся склонять меня к «последнему прощай» с шампанским и койкой.

В ответ я вздохнул.

На самом деле все было ясно нам обоим уже по крайней мере последние три-четыре месяца. Все это время она бросала и бросала меня. А я старался соблюдать нейтралитет. Похоже, это и бесило ее больше всего. Однажды она поняла, что поспориться со мной по-настоящему нет никакой возможности – я сразу начинал играть в поддавки. Вызвать ревность, прибегнув к излюбленному средству уязвленной неизвестно чем (вернее, известно только ей самой) женщины, тоже не удавалось – я с самого начала декларировал полную свободу в отношениях и желал этого абсолютно искренне. А сказать прямо, что она хочет за меня замуж, Майе не позволяла ложная гордость. У меня было ощущение, что ей почему-то все время казалось, будто я веду сложную игру, держа фигу в кармане и нож за пазухой одновременно. Ничего подобного. Я, может, даже женился бы, если бы понял, что Майя хочет этого по другим, более серьезным, чем уязвленное самолюбие, причинам.

В конце концов терять мне особенно нечего. Пришло время устаканиться и получить статус среднестатистического буржуа. Ни в какие страсти-мордасти я больше играть не собирался (наигрался на всю оставшуюся жизнь) и хотел только будничного мещанского покоя. И не менять своих привычек, ведь привычка – единственное спасение от разрушительного времени и в итоге – от смерти.

Но про покой в Майиных спецжурналах ничего не писали.

Да и что такое есть эта самая любовь сильнее смерти, чье божественное происхождение воспевается поэтами мира?

Сегодня ученые точно установили, что происходит в мозгу человека в случае так называемой любви с первого взгляда. Почему любовь дарит крылья и лишает аппетита? Почему мы идеализируем партнера, несмотря на видимые всем остальным его недостатки? Это всего лишь вопрос интерактивности молекул в мозгу. Все начинается со столкновения феромонов – биологических веществ. Невидимых, но ужасно активных. Выделяясь во внешнюю среду одними особями, феромоны влияют на поведение других особей. Именно они отвечают за непреодолимое влечение, охватывающее человека. Они же немедленно будят другие молекулы. Те, в свою очередь, берут на себя роль проверяющих – проверяют индивидуумы на совместимость. Феромоны включают нервные клетки мозга, связанные с гипоталамусом. Взаимодействие всего этого и провоцирует симптомы, присущие состоянию влюбленности. Всего-то.

Как-то я даже попытался устроить с Майей легкий спарринг на тему брака. Она высокомерно и одновременно уязвлено заявила, что «бракосочетание – это замена потребности любви ее обязанностью». Наверняка где-то вычитала. Словом, в голове у нее была та еще каша.

– Ну а детей-то ты хочешь? – бестактно допытывался я. Бестактно, потому что никогда, ни словом ни делом не предлагал себя в качестве возможного родителя.

– Глядя на окружающих, я предпочитаю жалеть о том, что у меня нет детей, а не о том, что они у меня есть.

Ну что ж, по крайней мере, в сказанном имелась своя логика.

Теперь вот Майя решила поставить точку. Котом.

Я не посмел отказаться.

– И будь с ним нежен, ему всего четыре месяца, его только что оторвали от матери.

– Ты предлагаешь дать ему грудь? – сыронизировал я.

– Грудь ты умеешь только брать! – достойно ответила она.

– Но я не умею обращаться ни с какой живно– стью... – захныкал я. – Почему ты навязываешь мне роль, к которой я не готов?

– Научись! – сказала она твердо. – Должна же у тебя в жизни быть хоть какая-то ответственность... Про эту породу все найдешь в Интернете, вместе с практическими советами. Тебе необходимо будет чем-то занять руки и голову в мое отсутствие. К тому же научись хоть о ком-то заботиться. Это может пригодиться тебе в дальнейшем, – добавила она с нажимом.

Связи случайные – результаты печальные. А ничего хорошего я и не ждал – нечего пытаться в любовных отношениях совершать наполеоновские поступки с психологией ефрейтора...

Так я оказался владельцем странной живой штуки, по бумагам (серьезная родословная) значившейся Адонисом. Но когда он в первый раз повернулся в профиль и застыл с видом поэта, собирающегося прочесть свой последний шедевр, я понял, что никакой он не Адонис, а Давид С., мой лучший друг детства, с горбоносим независимым профилем, тонкой морщинистой (в будущем) шеей и неизбывной печалью в глазах, ничем, впрочем, кроме национальности, не обоснованной. И Адонис стал Додиком. (Я, кстати, знал еще одного Додика, он не был ни поэтом, ни даже евреем.)

Больше же всего кот был похож на инопланетянина, того самого, прячущегося в игрушках, из известного всем детям мира фильма Спилберга. Нелепое трогательное горячее тельце, все в складочку, голова маленькой химеры с огромными, на две трети морды, глазами-лампочками, меняющими цвет в зависимости от освещения с изумрудно-зеленого на бледно-нефритовый и включающимися и выключающимися с переменной настроенности. Над всем этим торчали немислимо огромные уши летучей мыши, а передвигалась инопланетная бодяга на длинных кривоватых лапах, заканчивающихся еще более длинными музыкальными пальцами. Все это принципиально не сочеталось в одном обличье, однако предьявляло себя в моем новом знакомце.

К тому же, в отличие от нормальных котиков, знаменитых независимостью и гуляющих сами по себе, Адонис оказался абсолютной липучкой, нуждающейся в постоянном контакте с человеком.

Примерно к концу первой недели эта сладкая, обнаженная перед всем честным миром сволочь стала полным хозяином меня, дома и положения. Во-первых, из уродца он прямо на глазах (вполне возможно, только моих) превратился в невероятного красавца, оправдывая свое официальное имя. Во-вторых, я просто не мог от него оторваться – это был чистейший наркотик. Его на ощупь кашемировое с шелком, горячее (как сообщалось в Интернете, сорокадвухградусное) тельце под руками, глаза-блюда, наблюдающие за тобой отовсюду, и даже несколько специфический, отдающий болотом, запах кожи стали неотъемлемой частью меня самого. Требователен он был как женщина, но в отличие от последней был натурально ласков и безобиден, а также лишен всяческого лукавства. К тому же он ничего не имел против полной

от меня зависимости, наоборот, всю пользу от нее в своих интересах – бегал за мной хвостиком. А как только я оказывался в неподвижном положении, кот немедленно вскарабкивался на колени, плечо, голову, всегда умудряясь находить малейшую щель, полоску не защищенной одеждой кожи, чтобы дать работу шершавому, как наждак, языку, сопровождая это урчанием маленького трактора и перебором лап.

Особенно Доду приглянулась моя проступающая лысина, он работал над ней с таким вдохновением, что это можно было снимать для рекламы нового средства для восстановления волос. Часть ночи он спал под одеялом у меня под боком, и я не понимал, как он там не задыхается и не боится, что я его раздавлю. Потом выбирался частично на поверхность, оставляя тело укрытым, а голову клал на подушку в точности как человек и спал так до утра, лицом к лицу со мной, посапывая и побрякивая мне в нос.

Утром тварь будила меня лизанием пяток и легким покусыванием пальцев ног. Все это приводило меня в восторг и вызывало умиление вместе с неизвестно откуда взявшейся острой нежностью.

Я, как и многие великие и не очень до меня, влюбился. В кота.

Например, у папаши Хэма, когда он жил на Кубе, их было 57 штук. На одной из его лучших фотографий, за несколько месяцев до самоубийства, – он с женой Мэри, недопитой (на тот момент) бутылкой красного вина и своим любимцем котом Мальчуганом (Big Boy). Хэм уставился на кота невозвратно-меланхолическим взглядом. В этом взгляде читается: «Чего стоит писатель – как бы он ни был гениален, известен, богат, nobelирован и демократизирован – в сравнении с природной (а значит, абсолютной) независимостью, аристократической грацией и полнейшей отвязностью дворового кота!»

Что видят его вертикальные зрачки? Ответы на вопросы, которыми задаются философы мира: что? кем? откуда? зачем?

Кот – олицетворение метафизического покоя. Неподвижность сфинкса и неотвратимость запущенной пращи. Безразличие и божественная небрежность при максимальной заинтересованности. Обольститель – пленительный, навязчивый, требовательный. Ежеминутно меняющийся. Исполненный неги, ласки. И внимания. Влюбленно заглядывающий в глаза хозяина...

Кот как модель существования – моя мечта.

Самое главное, я ничуть не сопротивлялся и позволил приبلудному существу практически взять меня в плен.

Получилось, что приручил не я его, а он меня. Даже в самом невероятном сне я не мог представить, до какой степени окажусь от него в зависимости и как он странным образом перевернет мою жизнь.

Словом, Пришелец был послан мне вовсе не Майей (она только орудие), а небом, чтобы сыграть роковую роль в моей не желающей угомониться судьбе.

Так я, старый черствый циник, попал в ловушку, невольно подстроенную близкой женщиной.

А сама женщина прекратила со мной всяческие контакты и не брала трубку, когда на ее телефонах высвечивался мой номер. Я решил не настаивать.

Ребрендинг невозможен. Даже если бы я нанял пару-тройку первоклассных рекламщиков-пиарщиков-дизайнеров.

Глава 2

«Я женщина с дурными намерениями...»

Я женщина с дурными намерениями. Негодяйка. Мой теперешний дружок называет меня «нежное чудовище». Он себе льстит. Нежной я с ним только притворяюсь, а чудовищность – моя сущность.

Но не суди меня строго, Господи, я всего лишь создана по твоему образу и подобию. Но в отличие от тебя, бесплотного, вечного и благодостного, – из соединения спермы, плоти и невыносимой краткости бытия.

На жизнь я смотрю каждый день по-разному – сегодня как на последний день перед атомной войной, завтра как на день открытых дверей в сумасшедшем доме. Людей я презираю. Они глупы и безобразны. И все время болтают, вроде моих монахинь. Ну и чушь они несут! Хорошо, что я взяла за правило не прислушиваться – только прислушаешься, случайно, сразу хочется их всех убить. Жаль, что нет закона, запрещающего открывать рот, когда нечего сказать. Не идет же человек в туалет просто так, без позывов. Почему же он позволяет себе сотрясать воздух без всякого повода?

Достойных среди человеков практически нет, а единицы поумнее занимаются не тем, чем надо.

Жить скучно. Умирать еще скучнее. Надо чем-то себя занять.

Я задумала убийство. Убийство уродца, своего уродства не сознающего. С предварительной охотой, с последующим приручением, с проведением его сначала по всем кругам рая, а потом с низвержением в ад. По сути, жалкого несчастного существа – ведь только такое может жить себе как ни в чем не бывало, не осознавая своей жалкости и норовя к тому же лизнуть руку собственного палача.

А может, убийство такого же чудовища, как я. Чем не мотив? Не сосуществовать же двум таким чудовищам. А это значит: или я, или оно. Но так как я пока умирать не готова, должно умереть оно.

Однако, если я убью его своими руками, мне придется расплачиваться. Я имею в виду не «моральную расплату» (подобную ерунду можно писать только в кавычках), а конкретную, то есть уголовную – тюрьму. В тюрьме я не выживу. И не потому, что я слабое тепличное растение, слишком высоко организованное для тюремных условий, неприятного соседства, плохого питания и низкой гигиены (уверена, что и там смогу приспособиться), а исключительно по причине НЕсвободы. Я ни дня не смогу больше прожить в несвободе. Кто-то будет указывать, что мне делать, а чего нет, что хорошо, а что плохо, когда есть, а когда спать... И кто-то будет долдонить о непреложности раскаяния... Через все это я уже прошла у убогих сестер-монахинь, воспитывавших меня и тщетно пытавшихся привить любовь к Богу и человеку. Гены оказались сильнее.

Монашки нашли меня, накачанную черт знает чем, крепко привязанную за ногу, на пороге обители, с багажом в виде рюкзака, в котором лежали свидетельство о рождении, письмо мне от мамочки, а также паспорт, давно просроченный, с надписью красными чернилами «ОТЕЦ» поперек главной страницы. Придурочные пингвиницы пожалели «несчастное дитя».

Все годы, что я провела у них, эти убогие, ставшие Христовыми невестами потому, что ни на что лучшее не способны, пытались привить мне чувство вины неизвестно за что. То есть они-то знали за что – за все несправедливости, происходящие в мире, за все детские слезы, неразделенные любви, за всех брошенных, преданных, умственно отсталых, за всех калек, бедных и недужных.

Но я-то тут при чем! Ведь меня тоже бросили, наверняка не от большой любви. И если я не возьму судьбу в собственные руки, то закончу в лагере обделенных, как сестрички Божьи, похожие на костяшки черно-белого домино, в которое никто не хочет играть. А я, сколько себя помню, хотела быть в лагере победителей. Не зря же природа сдала мне на руки столько козырей – внешность, мозги и характер.

В Божьей обители я, как говорили монашки, любопытная, словно дьявол, беспрестанно задавала вопросы, на которые они не могли ответить.

«Если Бог действительно всесильный, а я нахожусь в его обители, значит, среди избранных, почему же он мне не подаст какого-нибудь знака?» – спрашивала я. Монашки уверяли, что знак был, но я из-за неверия не смогла его увидеть. Для меня же это было, как если бы никто мне ничего вовсе не подавал – того, чего не вижу и не чувствую, нет. По природе я была скорее натуралистом, чем одуванчиком.

А я все допытывалась, теперь у самого Бога: «Если избранная не я, то кто же?!»

Не дождавшись ответа и от Бога, я решила строить свою жизнь сама, подручными средствами, а именно своим телом и головой. Что касается тела, то у меня была пара ног, которыми я могла бы убить льва, не то что мужичонку. А что касается головы, то основным ее инструментом был длинный гибкий язык, захватывающий все, включая чужие души, волю и портмоне.

Что будет после, никто не знает, а эту жизнь я проживу на всю катушку. И вообще, не знаю, есть ли Бог, но для его репутации было бы лучше, если бы его не было.

Господь казался мне похожим на мамочку – сотворил, вытолкнул в говенный мир и бросил. Выкручивайся, как хочешь, – что я, что человечество. Но мамочка-то, видно, не очень соображала – ни когда зачинала, ни когда бросала. А Боженька?

И я решила, что мои отношения с ним будут основываться на принципе – ты мне, я тебе.

Мне было полных десять лет, когда я попала к монашкам. Я успела вкусить свободы. Настоящей, полной свободы от всех и всего. И как ни старались воспитательницы, самое большее, чего смогли добиться, – лицемерие стало моей второй натурой. Я научилась правильно говорить и писать, а неправильно думать и делать умела от рождения. Я научилась притворяться так, что мне могла бы позавидовать любая актриса, любой шпион. Нацепив постную физиономию на ангельское личико, будучи хорошей ученицей и послушной девочкой (при моем дьявольском любопытстве), я нацелилась на побег, а не на благодарность или сочувствие.

Сбежала я в день получения паспорта, все-таки оставив полную благодарности записку: «Спасибо за кров и еду».

Не собираюсь зависеть от кого бы то ни было. И подчиняться. Чтобы подчиняться, нужно научиться быть рабом. А мне этого не дано, хотя знаю, что рабу живется гораздо проще и комфортнее, чем свободному человеку (не только в тюрьме).

Мерси, дорогие монашки-извращенки! В мои мозги влезть вам так и не удалось.

О, мои мозги! О, моя каша, которую я проворачиваю и помешиваю огромной ложкой! Я варю блюдо, неведомое и прекрасное. «Молот ведьм» отдыхает, там я не нашла ничего похожего. Жалкие крысиные хвосты, когти черных петухов и пр. и пр. Моя каша круче. Ни в одном компьютере не поместится игрушка, в которую я играю. Черт! Черт! Черт! Нищая старуха, которую на время приютили мои добродетельницы, орала им прямо в лицо: «Не ебите мне мозги! Дайте выпить!»

Они не дали ей ни капельки. Они выебли ей мозги. И она подохла.

Вот что я думаю: мои мозги останутся девственными до моего последнего вздоха. Там варится каша. И только я знаю, каково это, варить кашу из собственных мозгов. И пошли вы все на хрен. Мягко говоря.

Благодарю тебя, Господи, за то, что я умею говорить мягко!

Итак, задуманное следует совершить по-умному, может быть, чужими руками. А это гораздо сложнее. Сложность заключается в том, что будущий сообщник (или сообщница) не

должен догадаться, что все задумала и устроила я, а его (ее) использую как инструмент. Мой поделщик(ца) должен сам прийти к мысли, что совершить дело – необходимо и что оставить жертве жизнь – преступление большее, чем убийство. Стало быть, надо придумать романтическую легенду с вкраплениями ужаса, это впечатляет сильнее.

Правда, чужие руки тоже опасны – попадаешь в зависимость от сообщника, а значит, оказываешься перед необходимостью убрать его. Выходит, самое лучшее – действовать руками жертвы, доведя ее до того, чтобы она просто не могла жить дальше. А уж в этом я искусница...

У меня очень развито воображение – такое напридумываю...

Люблю, например, чувствовать себя роковой женщиной, джеймс-бондовской подружкой, способной на все... Даже иногда диалоги репетирую, сама с собой, перед зеркалом...

– Съешьте яблочко, – говорит мне какой-нибудь тип, намеченный к уничтожению.

А я ему:

– Из всех сортов яблок я больше всего люблю глазные... Ха-ха-ха...

По-моему, неплохо. У меня таких реплик целый воз и маленькая тележка...

Ведущие идиотских ток-шоу могли бы у меня поучиться. А то сведут вместе дураков и не знают, как заткнуть им рот в нужных местах.

И еще я умею гадать и предсказывать судьбу. Но не по линиям руки, как все эти хиромантки-самозванки, а как настоящий АНАЛитик – по складкам, кольцам и лучам вокруг анального отверстия. И здесь мне нет равных. Только покажите...»

Так...

Посмотрим, что я набредил...

Перечитал написанное. Начало ничего себе. Теперь нужен примерный план и название позаманчивей...

Может быть, «Негодяйка»? Или «Исповедь дрянной девчонки»? То и другое уже где-то было... Может, просто – «Женщина с дурными намерениями»? Звучит двусмысленно, в меру игриво и вполне продажно.

Надо посоветоваться с издателем – у него нюх на продажное. И, кстати, неплохо бы потребовать аванс. Не потому, что жить не на что, а для порядка. После барыша от продажи моей последней книжки – «Заплечных дел мастер» – издатель должен быть готов на все. Жаль, что общаться с ним я могу только через литературного агента. Он единственный в курсе, что я никакая не Пола Линкс, а совсем даже наоборот, Пол, или, на французский манер, Поль, то есть мужчина, а не «таинственная незнакомка», за которую выдает меня мой проныра-агент, придумавший маленькую, банальную, но действенную мистификацию. Впрочем, сути дела это не меняет – пусть издатель платит.

Ненаглядный уродец, спавший у меня на коленях, проснулся, потянулся, упершись передними лапами в мою грудь, и, жалобно мяукнув, лизнул мой подбородок.

Работать сразу расхотелось. За окнами мелкий дождь царапал ногтями стекло. Я распахнул двери террасы, потянулся, подражая коту, и вдохнул влажный, наполненный запахами бензина и зацветающей черешни парижский воздух. С моего последнего этажа открывался открыточный вид на любимый, тихий и буржуазный Шестнадцатый округ, утопающий в ярких розовых и снежно-белых кронах деревьев – в этом году черешня и яблоня цвели одновременно. Я взглянул на часы – они показывали без четверти шесть. Можно было приготовить себе первый (и самый долгожданный) дринок.

Я спустился из скворечника-кабинета вниз, в гостиную, и открыл бар. Плеснув себе в стакан разумную дозу «Чиваса», направился в кухню за льдом. Дверь за собой надо было закрывать очень быстро, чтобы не дать Додику проскочить вслед, – на кухне, в пределах его досягае-

мости, мариновались в оливковом масле и соке зеленого лимона заготовленные мною к ужину «кокиль Сен-Жак», по-нашему морские гребешки, купленные утром на рынке.

Но, к своему несчастью, кот оказался ловчее. Я услышал страшный рев и понял, что дверь не захлопнулась, наткнувшись на мягкое препятствие. Додик так орал, что я решил, будто разрезал его дверью пополам. Выронив стакан с виски, я схватил животину. Кот повис у меня на руках тряпочкой. Я попытался его реанимировать. Кот смотрел на меня жалобными глазами и, как рыба, выброшенная на берег, открывал и закрывал рот не в состоянии извлечь из своих, видимо, раздавленных внутренностей даже жалкое «мяу».

Меня охватила паника – никогда не имел дела с ранеными животными и понятия не имел, как в таких случаях поступают.

Я уложил подранка на диван и бросился к компьютеру, в Интернет, чтобы узнать адрес ближайшей ветеринарной клиники. Она оказалась в квартале от меня, на улице Грез, № 13 (символический адрес, не правда ли?).

Засунув за пазуху кота, я кинулся навстречу судьбе.

Глава 3

«Когда я, пыхтя как паровоз...»

Когда я, пыхтя как паровоз, с бездыханным зверем примчался по адресу, молодая женщина закрывала ключом дверь ветеринарного кабинета. Я бросился к ней, страдальчески воздев одну руку (другой держал кота, прикрытого курткой) в небо.

– Пожалуйста!!! – взмолился я. – Животное умирает...

Она окинула меня быстрым взглядом, потом двумя пальцами оттянула край моей куртки и взглянула на кота. По-прежнему не произнося ни слова, повернула ключ, который все еще торчал в замке, в обратную сторону и толкнула дверь.

– Заходите, – сказала она, пропуская меня вперед.

Мы прошли через приемную, обклеенную фотографиями представителей фауны, и оказались в самом кабинете. В центре возвышался цинковый стол (заставивший подумать о морге), а в углу, у окна, стоял еще один, письменный, на котором высился компьютер и лежали несколько толстых медицинских справочников.

– Давайте сюда ваше животное, – произнесла женщина, скидывая плащ. – Сюда, – указала она на «стол из морга».

Я вытащил Додика и водрузил на цинковую поверхность, быстро поведав при этом «историю болезни».

Похоже было, однако, что кот вполне оклемался и теперь принялся с интересом оглядываться.

Доктор ощупала его быстрыми движениями длинных нервных пальцев, потом взяла в руки, крепко прижала к груди и с чувством поцеловала в физиономию. Дважды. Я опешил (а зацелованный дома кот воспринял это как должное).

– Вы проделываете это со всеми пациентами? – поинтересовался я.

– Только с теми, кто позволяет, – ответила женщина с милой улыбкой.

Я остро пожалел, что пациент не я.

– Надо же! – заметил я. – Со мной такого не случилось ни в одном медицинском кабинете. Хотя в некоторых я бы с удовольствием позволил...

На этот раз лицо доктора осталось бесстрастным, только чуть приподнялась левая бровь.

– А на хозяев это не распространяется? – продолжал я лезть на рожон, заинтригованный ее невозмутимостью.

– Только если они готовы разделить со своими питомцами и все остальное. Кастрацию, например. – Теперь улыбка была еще милее. – Присядьте пока вон туда, за стол. У вас есть его паспорт с вакцинациями?

– Есть. Но я забыл дома. Спешил.

– Ну хорошо... Как нас зовут и сколько нам лет?

– Поль, – сказал я и игриво улыбнулся. – А вопрос о возрасте, прошу прощения, не совсем уместен.

Она посмотрела на меня, нахмутив брови, как смотрят на расшалившихся детей, страдающих умственной отсталостью и потому заслуживающих снисхождения, что бы они ни делали и ни говорили.

– Меня интересует возраст животного, – сказала она официальным тоном. – И его имя.

– Адонис. Через две недели девять месяцев. Боюсь, что отдал ему дверь внутренности, – отрапортовал я, притворно смутившись.

– Не волнуйтесь, кошки в отличие от людей очень выносливые. Но я тщательно осмотрю его.

Пока она осматривала Додика, я не мог отказать себе в удовольствии и осматривал осматривающую. Ничего. Обручального кольца нет. На вид лет двадцать пять, но, судя по тому что она владелица кабинета, должно быть не меньше тридцати с хвостиком. Тип роковой брюнетки, но с милой улыбкой. Короткая стрижка. Породистое лицо с тяжелыми веками, прикрывающими то ли желто-рапсовые, то ли медово-ореховые чуть раскосые глаза. Тонкий нос с горбинкой и большой рот с припухшими, как у ребенка после плача, губами. Длинные ноги, узкие бедра и при этом очень аппетитная попка, обтянутая джинсами, – рука так к ней и тянулась. Но я взял свою руку в руки и вздохнул.

– Ну как? – спросила она, застав меня врасплох.

– Что «как»?

– Довольны результатом осмотра? – в голосе была издевка.

– Вполне! – ответил я в тон. – А вы?

– Кот в полном порядке. Все органы на месте и работают как часы. Живот немного раздут и изо рта пахнет. Как у него стул?

– В каком смысле? – сбился я с романтического настроения.

– В прямом. Сколько раз в день и как он ходит в туалет?

– Два-три раза в день, а иногда и ночью. И каждый раз это смахивает на химическую атаку. Консистенция подтаявшего шоколада – очень неудобно для уборки, – отчитался я.

– Думаю, у него глисты, – заключила доктор. – Я дам лекарство – одну таблетку сейчас, вторую через две недели. Смотрите, как надо давать.

Она легким нажатием пальцев раскрыла коту пасть (как в детстве мы открывали нежные цветки львиного зева) и мизинцем ловко сунула таблетку глубоко в глотку. Кот крикнул и проглотил. Я, поперхнувшись, закашлялся.

– Вы слишком впечатлительны, – сказала она, похлопывая меня по спине. – Кстати, о глистах. В Южной Америке в некоторых провинциях дети поголовно заражены глистами. Провели лечение – и через пару месяцев резко выросли диатезы, бронхиальные астмы и прочие заболевания, связанные с реакцией на внешние раздражители типа пыльцы и еды. Оказалось, что глисты нормализуют детский организм. Глисты не дураки, они хотят жить в здоровом теле. Поэтому удалять их надо как можно раньше. Чтобы они не стали естественной частью организма, который впоследствии будет от них зависеть. Представляете, если бы ваше здоровье зависело от глистов?

Я представил. Такая перспектива мне не понравилась.

– И пора подумать о кастрации, – продолжала вредная дама.

– Ни за что! – сказал я, порадовавшись на этот раз, что клиентом был все-таки не я.

– Начнет метить – будет поздно. Да и удрать может, почуяв кошку. Вы на каком этаже живете?

– На седьмом и восьмом, – честно ответил я.

– Значит, может разбиться, прыгнув на призыв.

– Но как же я лишу его радостей жизни? Это жестоко.

– Обещаю, что он об этом ничего не узнает. Останется в счастливом неведении. – И она взглянула на меня из-под тяжелых век, как из глубины веков, раскосыми глазами заплаканной пифии.

У меня словно подкосились ноги – какая-то очень опасная, обжигающая мысль пронеслась в голове, вернее, хвост мысли (даже не мысли, а впечатления), за который мне так и не удалось ухватиться. Единственное, что я понял, – хвост был из прошлого. И это мне не понравилось. Настолько не понравилось, что вспотели ладони.

Пришлось сесть и перевести дыхание. Такого со мной не случалось давно. Приступы беспричинной клаустрофобии, казалось, остались в прошлом, в другой жизни. Но известно,

что у памяти тоже бывают галлюцинации. А особо чувствительные натуры чувствуют иногда свой астральный хвост как реальность, данную им в ощущениях.

– Осмотр закончен, – сказала доктор, подсаживая карабкавшегося на ее высокую грудь кота повыше, на плечо.

– Сколько я вам должен? – спросил я, поднимаясь на все еще слабые ноги.

Она назвала сумму. Я расплатился.

– Отдавайте кота, – сказал я.

Доктор сняла его с плеча и, поцеловав напоследок, теперь в розовый живот, поставила на стол.

– Дивный экземпляр, – констатировала она. – Настоящий красавец!

Приятно было услышать такое о любимом уродце. Да еще от профессионала.

– Спасибо, – растрогался я.

– Это я о коте, – на всякий случай уточнила она.

Изобразив на лице смесь легкой грусти и горькой иронии, я взял с вешалки ее плащ.

– Разрешите вам помочь?

Доктор оказалась почти одного со мной роста, и, пока она продевала руки в рукава, у меня была возможность рассмотреть ее затылок, переходящий в нежную шею с ямочкой, и вдохнуть резковатый, мужской аромат духов с пачулиями.

На улицу (Грез, №13) мы вышли вместе. Дождь кончился. Обрызганный небесной росой город, свежесбривший и надушенный одеколоном «Вечерний Париж», манил в свои сети.

Задача минимум была затащить ее «на стаканчик». Задача максимум еще не сложилась.

Я посмотрел на табличку на дверях.

Она гласила:

Dr. L. PERRIN

&

Dr. N. CADIER

Ну, черт, никогда не поймешь у французов, где мужчина, где женщина, по крайней мере – по написанию имен.

– Доктор Кадье... – сказал я наудачу чуть вопросительным тоном.

– Нина Кадье, – ответила она и протянула руку.

– Поль Линкс, к вашим услугам, – представился я.

Мы официально пожали друг другу руки. Даже в начинающихся парижских сумерках я видел, как прыгают чертики в ее стрекозых глазах.

И я решил.

– Мы с Адонисом собираемся отпраздновать его чудесное воскресение из раздавленных. Не желаете ли присоединиться? Вы ведь имеете к этому непосредственное отношение, и он может обидеться, если вы...

– С удовольствием, – откликнулась она просто, не дав мне закончить витиеватое предложение.

«Можно подумать, что она только этого и ждала», – удивился я про себя.

– Только... только давайте пройдемся, а то я весь день взаперти.

Мы пошли в сторону площади Трокадеро. Додик устроился у меня за пазухой и, высунув наружу черепашую голову, взирал на мир лунными глазами.

– Не сочтите за навязчивость... – начал я.

– Не сочту.

– Ваш очаровательный акцент какого будет происхождения?

– Думаю, того же, что и ваш... – ответила она с улыбкой из преисподней.

– А именно? – настаивал я, понимая, что разоблачен.

– А именно славянского, точнее – русского, а еще точнее – московского, – перешла она на русский.

– Надо же... А вы, значит, так сразу и распознали? Ну и ухо! Обычно его принимают за скандинавский, – ответил я, тоже на родном.

– Нас выдает не акцент, а интонации – от них никуда не деться. Да и ухо у меня действительно чувствительное.

Я чуть не ляпнул, что наверняка не только ухо... Но удержался от откровенных пошлостей.

– К тому же французы себя так не ведут, – продолжала она. – Им не придет в голову приглашать на аперитив лечащего врача, да еще после первого приема...

– Но пациентом все же был не я. Поэтому официальное лицо вы только для Адониса, а для меня просто лицо... необыкновенно притягательное при этом.

Она посмотрела на меня несколько удивленно. Я понял, что переборщил.

– Выкрутиться у вас получилось очень по-французски, – констатировала она.

В кафе с тем же названием, что и площадь, мы заняли уютный столик в углу, у застекленной витрины. Она попросила бокал белого вина, я потребовал так и не выпитую вовремя дозу виски. Кот вылез из-за пазухи и по столу перебрался на колени к Нине, выбрав более приятное общество.

Мы просидели с полчаса, болтая о том о сем, пробуя друг друга на ощупь – визуально.

Приступ клаустрофобии не повторялся, а огненные хвосты оставляли только мелькающие сигареты прохожих за окном.

Я предложил Нине очередной бокал вина, но она, поблагодарив, отказалась. Сказала, что ей пора. Хотя невооруженным глазом было видно, что спешить Нине некуда. Видимо, внутренние часы, следящие за волнами ее жизни, дали отмашку: на первый раз хватит. Я не настаивал.

Мы вышли на площадь, искусно подсвеченную огнями, и я отчетливо увидел, как конь под маршалом Фошем одобрительно закивал мне головой в ритме военного марша.

Я раскланялся и, не воспользовавшись французским обычаем целоваться налево и направо, даже с малознакомыми людьми, махнул на прощание котовской лапой и отправился восвояси.

Поцелуи

Не могу удержаться, чтобы не сделать остановку среди течения букв и не поделиться выразительным пассажем о поцелуях.

«Мы живем в саду поцелуев. С кем только мы не целуемся! Пройдет еще немного времени, и мы будем целоваться с сантехниками, открывая им дверь нашей квартиры, чтобы они починили нам унитаз, или с инспекторами дорожной милиции, после того как они тормознут нас жезлом: сначала поцелуемся троекратно, а потом достанем документы.

<...> Ученые говорят, что помимо людей в животном царстве по-настоящему умеют целоваться только шимпанзе. Конечно, голуби тоже целуются, но это скорее похоже на эскимосский поцелуй, когда эскимосы трутся носами. У шимпанзе между тем есть не только мягкие губы, но и

чувство вины. Самки бросаются целовать своих партнеров после того, как они им изменили с более молодым самцом: поцелуем замаливают свои грехи.

Если людской поцелуй родился по тем же предательским причинам, то главным поцелуем на века стал поцелуй Иуды. Однако Христос позволил этот поцелуй, прекрасно осознавая его значение. Он не оттолкнул мерзавца – смирился со своей участью. С тех пор наши грехи распространялись со страшной скоростью: поцелуй превратился в универсальную отмычку.

Мы целуемся, чтобы заразить мир своим «я», чтобы мир нас принял в свои объятия и защитил, сохранил нашу цельность. Мы целуемся, излучая надежду на свою будущую власть над миром, мы благословляем своим поцелуем слабых, усмиряем сильных, задабриваем тех, кто нам необходим, мы хотим поцелуем открыть для себя кредит доверия. Мы целуем в ожидании любви и продолжения своего рода. Мы используем поцелуй как звонкую монету благодарности за то, что нам сделали, и особенно за то, что нам еще должны сделать. Мы поцелуем вскрываем женщин, как консервные банки, а они поцелуем вскрывают нас: поцелуй в рот возбуждает самые древние инстинкты человеческой матрицы.

<...> Но в поцелуе до сих пор сохраняется его сакральная двусмысленность. Проститутка никогда не станет целоваться с клиентом. Она знает не головой, не чувством брезгливости, а всем своим существом, что такой поцелуй истощит ее жизненные соки: целовать – не трахаться. Поцелуй весомее секса.

Мы целуем мир, чтобы дать и взять. Мы целуем детей, чтобы они проводили нас в последний путь прощальным поцелуем: круг жизни закрыт.

<...> А вот на Востоке с поцелуями всегда было туго. Японский словарь определяет поцелуй, как встречу губ, которую практикуют люди на Западе, когда они здороваются и расстаются. Восток не прошел через школу Христа: он сохранил дистанцию по отношению к чужому человеку. А кто не чужой?»

Виктор Еврофеев

Ой, какие мы умные! Да сказано же каким-то идиотом: «Умри, но не давай поцелуя без любви!» Прямо так и выписывали на порнографических открытках начала прошлого века. Люди свое дело знали. И тело. А то взяли моду возводить поцелуй в инфернально-возвышенный ранг. Философы хреновы.

А что, моя Женщина с дурными намерениями вполне могла бы рассуждать подобным образом. Надо приберечь для нее.

Глава 4

«Нина вернулась домой взволнованная...»

Нина вернулась домой взволнованная. Бросила сумку. Вытащила размораживаться кусок рыбы, из постоянных запасов. Достала из холодильника початую пару дней назад бутылку любимого белого вина, налила в высокий бокал на тонкой ножке. Включила радио, всегда настроенное на канал джазовой музыки, и забралась с ногами в кресло.

Она не могла взять в толк, почему ни с того ни с сего поперлась с незнакомцем, да еще пациентом (вернее, хозяином пациента) в бар. Ей, на самом деле нелюдимо, дикарке, как называл ее бывший муж, это было совершенно несвойственно. Весь последний год ей было так хорошо одной, так свободно...

– «Свобода, бля, свобода, бля, свобода...», – процитировала она вслух друга Мишу. Можно быть свободной как птица в воздухе, а можно – как муха в полете. Чувствуете разницу? Она чувствовала, что ее случай – второй.

...Что в пятницу вечером с этой свободой делать?!.. впереди еще выходные... субботу можно, положим, посвятить спорту – клуб, бассейн, сауна, в воскресенье с другом Мишей сходить в кино, потом в пиццерию (каждый платит за себя)... опять примется рассказывать что-нибудь заковыристое...

...в прошлый раз говорил про дырки... что-то вроде, что... в физике полупроводников есть такое понятие – «дырка»... ничего не поняла... только поняла, что с одной стороны – избыток, а с другой – дефицит, причем электронный, электронный дефицит и есть дырки... у дырки самой по себе нет ни массы, ни энергии... дырка и дырка... потом про следующего нашего правителя... дырка посреди отрицательно заряженных кремлевских сикофантов и приспешников... на отрицательном фоне и дырка – положительное явление... на безрыбье и рак – рыба, на бесптичье и жопа – соловей... потом про разум, вернее про его полное отсутствие у представителей... не знаю уж, кого Миша назовет теперь... все заранее известно и надоело хуже горькой редьки...

...дырка... ужасное слово... неприличное... дырка... редька... ужасные слова... я думаю по-русски...

...в понедельник опять на работу, к любимым братцам-кроликам... и опять...

...а Поль вполне ничего себе, вместе с голым сфинксенком... не из пугливых, не из болтливых, ненавязчив и забавен... «к вашим услугам»... знал бы он, какого рода услуги мне требуются после почти года воздержания, так не расшаркивался бы... было бы смешно на полном серьезе попросить его в качестве услуги разделить с ней ложе... а он скажет: ложе?.. с удовольствием... надеюсь, оно не прокрустово?.. наверняка сострил бы что-нибудь этакое... а она ответила бы, что ложе вполне царское и долгое воздержание может превратить его в первое брачное...

...на каком языке он думает?.. язык... неприличное слово... все слова – неприличные... потому что люди под одеждой голые... и не той наготой, которую выставляют напоказ на пляже, а той, последней, что в морге.

Нина отхлебнула вина. Вдохнула, встала и направилась на кухню. По дороге зацепилась взглядом за отражение в зеркале – щеки запали, от этого скулы выперли, как у Чингисхана на картинке в учебнике истории, взгляд усталый и равнодушный. Да, подумала она, жить с таким лицом, конечно, можно, но на улицу лучше не выходить. И хорошо бы в кабинет пускать животных без хозяев.

Совсем распустилась со своей свободой. Ест кое-как, никакой косметики, ничем себя не радуется – это отдает депрессией, славянской потребностью боли, «которую никак не утолить».

А на днях застучала себя за тем, что, перед тем как выбросить забытый в холодильнике трехдневный картофельный салат, покрошила в него также забытую увядшую зелень. Надо изо всех сил постараться доставлять себе пусть маленькие, но каждодневные радости.

Сегодня день был неудачным – две эвтаназии. Старая-престарая собака никак не могла умереть, а хозяйка, не менее старая, все не решалась на усыпление и пыталась взвалить решение на Нину. Пришлось все взять на себя и объяснить, что следующая стадия будет совсем невыносимой – и для собаки, и для хозяйки.

Потом настала очередь попугая, свалившегося с плеча хозяйки в кипящий суп. Молодая женщина рыдала так, что Нина не знала, к кому первому броситься.

Хотя кабинет у Нины был не первый год, а до этого она работала ассистентом ветеринара, она так и не смогла привыкнуть к эвтаназии. Люк, ветеринар с десятилетним стажем, уверял, что это дело времени – душа черствеет, привыкнешь ко всему.

На кухне, пока готовила незамысловатый ужин, Нина продолжала думать о новом знакомом.

...интеллигентный... наверняка отпрыск белой эмиграции, с прадедушкой таксистом-аристократом... глаз живой и заинтересованный, манеры приятные, ненавязчивые... сексапильный... на вид...

Но что-то смущало. А еще больше смущало то, что она не могла понять, что смущает.

...может быть, глаза, густо-серые, с поволокой?.. они больше подошли бы мордашке романтической девицы, а не странно асимметричному лицу, одна половина которого улыбается, а другая остается равнодушно-холодной... и какой-то чудной шрам на веселой половине, прямо над губой... шрам, видимо, ее и вздергивает в кривой улыбке... тоже мне, человек, который смеется...

...что-то сказочно-дикое, животное... а я специалист по животным... по животам... живот... неприличное слово...

...именно так... он – всего лишь животное... то ли фавн, то ли древний охотник в набедренной повязке с дубиной в руке... при этом одет дорого, явно умеет носить такую одежду, джентльмен...

...не похож ни на одного из бывших соотечественников... о себе ничего не рассказывает... обо мне ничего не спрашивает... француз незамедлительно выпросил бы все – в первую очередь социальное положение, потом подробности биографии...

...глубоко женат, но не прочь поразвлечься на стороне или не женат и не хочет, главное – никаких обязательств... лучше бы последнее... я ведь тоже хочу только попользоваться и без обязательств... можем оказаться полезны друг другу...

...ну да ладно... посмотрим, как будут развиваться события... или не будут... или будут... или... мне терять нечего...

...ура!!! вот зачем нужна свобода!..

Еще Нина подумала, что слишком много выпила. Но настроение, неизвестно почему, вдруг улучшилось. Она почувствовала пузырьки возбуждения, забродившие в крови.

Глава 5 (черно-белая)

Начало 1980-х. Москва. Метро.

Серая толпа вываливается из вагонов и рассыпается по проходам.

Мальчик лет двенадцати поднимается по эскалатору станции «Смоленская». Впереди него – тетка с ожерельем из туалетной бумаги и тяжело груженными сумками. Она поставила их на лениво движущуюся лестницу, загородив проход. Сзади громко, но беззлобно матерятся двое подвыпивших работяг в грязных дешевых куртках.

А мальчик мечтает: вот сейчас эскалатор привезет его наверх, и он выйдет из метро в волшебный город, полный огней, музыки, веселья и красивых беззаботных людей. И отец будет ждать его верхом на коне в серебряной сбруе, протянет ему руку и поможет взлететь на холку, усадит впереди себя. И они поскачут вместе, не важно куда, просто так, в неведомое. И отец будет, как когда-то, еще до своей болезни, ласково дуть ему в макушку и весело поддразнивать...

Мальчик выходит на Садовое кольцо. Вечер. Холодная московская осень. Ветер гонит по тротуару полусгнившие листья. На остановке троллейбуса серые тени кутаются, пытаются защититься от ветра. На земле валяется детская грязная перчатка.

Мальчик заворачивает за угол дома (Жолтовского, с башенкой), в котором находится метро и, обойдя его, входит в подъезд с противоположного торца. Подъезд с высокими сводами и лепниной слабо освещен одной лампочкой в круглом матово-белом плафоне. Два других плафона разбиты, из них торчат провода. Мальчик вызывает лифт. Ждет долго. Потом едет на последний, восьмой этаж. Идет по длинному коридору в самый конец и нажимает кнопку звонка последней квартиры.

Ему открывает дверь мужчина лет пятидесяти. Это его отец. Одет он странно – военный китель со следами наградных колодок и тренировочные штаны. Босиком. В глазах отблеск то ли муки, то ли безумия. А может быть, того и другого. Взгляд затравленный. При этом гладко выбрит и наодеколонен.

– Почему один? Где сестра?

– Осталась у Пироговых...

– Как?! Я велел вернуться вместе!

– У них завтра с пироговской Светкой с утра репетиция. Они звонили. Но у нас телефон все время занят. Наверно, трубка плохо лежит.

Взгляд мальчика застывает на телефонном аппарате, стоящем тут же, в прихожей, – трубка снята и аккуратно положена рядом. Он вопросительно смотрит на отца.

– Ну что ж, видно, не судьба Ньюшке, – говорит тот с лунатической улыбкой.

Мальчик раздевается, вешает куртку на почему-то пустую вешалку и проходит в комнату. Отец идет следом.

– А где мама? – спрашивает мальчик, ощущая смутное беспокойство и озираясь по сторонам.

– Она там, в спальне... Отдыхает. – Теперь отец улыбается не как лунатик, а как заговорщик.

Мальчик смотрит на отца с испугом. Тот делает произвольное движение головой в сторону спальни, словно подталкивая сына.

– Там... – говорит он, старательно отводя глаза. – Там... Иди к ней...

Мальчик двигается неуверенно. Отец следует за ним. Мальчик толкает неплотно прикрытую дверь и в ужасе застывает на пороге.

На кровати ничком, раскинув руки, в луже крови лежит мать. В ее голове – дырка.

Отец медленно поднимает руку, которую все время держал за спиной, – в ней пистолет. Упирает дуло в затылок сыну.

Стреляет. Мальчик падает лицом вниз.

Потустороннее лицо Крымова, подносящего пистолет к виску. Звук выстрела.

Квартира Крымовых. Посреди гостиной девочка лет десяти широко открытыми, немигающими глазами следит за тем, как санитары выносят из спальни носилки. Одни. Вторые. Третьи. На последних из-под простыни свесилась нога в синей кроссовке «Адидас». Мама купила сыну в знаменитом спекулянтском логове – туалете возле ресторана «Арагви». На полразмера меньше. Какие были.

Девочку обнимает и прижимает к себе пожилая женщина с тщательно причесанными волосами, стянутыми на затылке в узел. Ее аккуратный пикейно-белый воротничок на синем платье не очень соответствует происходящему. Глаза, как и у девочки, сухие и блестящие. Руки, большие, еще сильные, хотя и в старческой гречке, судорожно сжимают детские плечи.

В комнате суетятся люди в штатском. За столом сидит Пирогов и что-то записывает в блокноте. Это высокий, чуть располневший человек в очках и с явной военной выправкой.

Он поднимается и подходит к женщине с девочкой. Молча обнимает их обеих.

– Переезжайте сюда, – говорит он женщине. – Мы оформим вам опеку и прописку. А ты, Нюша, приходи к нам, когда хочешь. Можешь считать нас своей семьей. А Светку – сестрой.

Бабушка переехала из Наро-Фоминска в квартиру на Смоленской. Нюшу во избежание пересудов перевели в другую школу, в тот же класс, где училась Света Пирогова. Они и раньше дружили, а с этого момента стали неразлучными. Маленькая пухленькая Светка с вечно смеющимися, в ямочках, щеками была полной противоположностью вдумчивой, замкнутой Нюшескладуше. Но эта разность им нисколько не мешала.

Нюшина бабушка по матери, Софья Михайловна, которую девочка звала Сонечкой, была женщиной властной, с виду строгой, но с приступами неизвестно откуда накатывающего балаганного веселья и неизбывной иронией. Ирония относилась ко всему на свете и в первую очередь к себе. Сонечке было под семьдесят, но она чувствовала себя в строю (так она говорила) и даже имела молодых (относительно) ухажеров. Бывшая актриса богом забытого то ли Витебского, то ли Воронежского театра, она умудрилась сохранить жизнелюбие, которое не опиралось ни на какие объективные обстоятельства.

Она и в жизни была артисткой. Играла то роль Марецкой – члена правительства, изъясняясь в духе простой русской бабы, мужем битой, кулаками травленной; то переходила на Быстрицкую из «Тихого Дона»; а в наиболее патетические моменты привлекала Степанову или Тарасову со всем их репертуаром и Станиславским заодно.

– Никогда не могла понять, – говорила она Нюше, входя в сборный мхатовский образ, – как твой отец, потомок русской военной интеллигенции, мог сделать две вещи – жениться на еврейке и пойти работать в страшную организацию. Причем и то и другое – по зову души. Страстный был человек.

Нюша замирала, слыша эти речи. Для нее, с молодых ногтей не только любившей, но и свято почитавшей родителей, они звучали вызывающе, оскорбительно и казались запретными. Что за страшная организация могла существовать в ее обожаемой Москве? И как не стыдно говорить про маму такое – «еврейка»?

– А ты как думала, – беспощадно подтверждала Сонечка, – и ты, соответственно, наполовину. Не говоря уж обо мне, стопроцентной.

Нюша смотрела на бабушку с ужасом, уверенная, что та ее по обыкновению разыгрывает.

– Ну, первое еще понять можно, – пускалась бабушка в рассуждения. Тут на нее находила стилистическая чересполосица. – Мать твоя была красавица, мужики на улице шею сворачивали. И влюблена в твоего отца как кошка, готова по одному мановению пальца на костер пойти. А заведение это иезуитское, где он служил, ненавидела. Отца ее, моего мужа и твоего деда, совсем молодого врача, успели таки посадить по одному из первых дел «вредителей в белых халатах». Он впечатлительный был, там на себя руки и наложил. Теперь вот и сама поплатилась. А ведь я ее предупреждала, чтобы не связывалась с этими бесами... Да она и сама все понимала.

Нюша совсем терялась: за что поплатилась? Как ее отец мог служить каким-то страшным «езуитам»?! Она знала, что он последнее время болел, часто и подолгу лежал в больнице, и они с братом даже не могли его навещать. Потом, когда отца ненадолго отпускали домой, он все больше лежал, молчал. На улицу почти не выходил, даже на работу не ездил. По ночам иногда ужасно кричал. Мама плакала. А когда Нюша спросила ее, что с папой, ответила: «Твой отец как дуб. А дубы не гнутся, они ломаются».

– Что это за организация? – спрашивала Нюша Сонечку. – А езуиты тоже евреи?

– По поводу организации – не ко мне, пожалуйста...

– А к кому?

– Спроси вон у Пирогова, Светкиного отца, – они с Димой коллегами были, – отвечала бабушка почему-то издевательским тоном. – Но Пирогову слава, а отцу твоему бесчестье... Довели до ручки... А теперь... «Приходи... Мы твоя семья...» Упыри проклятые. Ну ничего, у тебя есть я, глаза-то тебе открою...

Нюша ничего в обличительных бабушкиных речах не понимала. Но осадок оставался. Она про себя точно знала, что ее родители герои, что их убили враги (так ей и официально сказали). Прокрались в дом и убили, как раз в тот вечер, когда она осталась ночевать у Светки. А то сейчас бы и она геройски покоилась с ними в одной могиле. Это все брат Шурка, который вечно стеснялся перед мальчишками, что она за него цепляется. А за кого же ей цепляться? Отца и раньше, когда он был здоров, дома не бывало месяцами, мать с утра до ночи пропадала в своей больнице. К Сонечке, в Наро-Фоминск, их с братом отправляли только на каникулы. Вот и в тот вечер после Светкиного дня рождения Шурка сказал ей остаться, чтобы ему назавтра, в субботу, рано не вставать и не везти ее в Дом пионеров на репетицию.

Ну ничего, когда она вырастет, найдет бандитов, убийц своей семьи... И тогда...

С годами детский наркоз стал отходить. Нюша, думая о случившемся, ощущала ноющую боль в области диафрагмы и пульсацию сердца в горле. Между ней и Сонечкой установилось молчаливое соглашение – на ЭТУ тему не говорить. Но иногда бабушка не могла сдержаться и выдавала порции обличительной ругани в адрес сказочно-страшной «конторы» и людей, «служивших дьяволу».

И еще одну вещь Нюша почувствовала точно – люди боятся чужих несчастий, считают их почти заразными, чураются пострадавших, а если и попадают добрые души, то сочувствуют в основном издали. Она привыкла держать дистанцию со взрослыми и с ровесниками.

Зато когда Нюша бывала у Пироговых, а бывала она у них часто (единственный дом, кроме собственного, где она бывала), разговоры о ее семье были обычным делом. Михаил Пет-

рович явно ее жалел и рассказывал, каким замечательным человеком был отец, каким профессионалом и незаменимым другом и как ужасно несправедливо все с ним случившееся.

– Пострадал невинный, – говорил он. – А предатель разгуливает на свободе.

– Не забивай девочке голову, – замечала на это дородная, колыхающая огромным бюстом Владлена Николаевна. – Тем более что невинных в таких ситуациях не бывает.

Нюша не понимала, о чем они говорят, но вопросов не задавала. Стеснялась. Одновременно чувствовала смутную вину и боялась услышать нечто, что могло причинить ей боль. Лишить отца и матери ореола, которым она сама окружила их. Да и бабушка, несмотря на обличительные речи, не советовала Нюше любопытничать.

Говорила:

– Не суй свой нос куда не надо раньше времени, а то там его и оставишь. – И гладила по голове: – Сиротинушка моя, ведь зачем-то же отвел Бог от тебя руку убийцы...

Так между бабушкиными причитаниями-разоблачениями, пироговскими намеками и легендой собственного приготовления Нюша прожила почти до пятнадцати лет.

У Сонечки случился удар накануне первомайских праздников. Одну сторону парализовало, но речи при этом Сонечка не потеряла. И успела за два дня, которые подарила ей судьба до следующего удара, рассказать Нюше, что на самом деле случилось.

– Лучше уж я расскажу, чем от других услышишь. – Голос Сонечки был слаб, мысль часто прерывалась. Нюше приходилось напрягать внимание, чтобы, с одной стороны, не упустить ни слова, а с другой – попытаться отделить бред от реальности. – Отец твой сошел с ума. Вернее, его свели. В нем, конечно, много чего было намешано, но извергом он точно не был. Хоть и убил мою дочь... и внука... В полном умопомрачении был... Ты вот под счастливой звездой родилась... А то и тебя бы... Уж поживи за всех, не подведи... И поосторожней будь с людьми... Не верь никому...

– Сонечка, – просила Нюша, – не умирай, не уходи от меня... Как же я одна останусь?... На всем белом свете... – И плакала от жалости к себе, к умирающей старухе, к расстрелянной ни за что ни про что семье и к отцу-убийце.

– Ничего, ты девка умная, сильная – в мать пошла. Выживешь. Не дай только перемолоть себя. Может статься, и выберешься из этой Богом проклятой страны. Не забудь только потом, что здесь твои могилы...

Нюша осталась одна в большой квартире на Смоленской.

Были каникулы. Она болталась из угла в угол во второй раз за ее короткую жизнь опустевшей квартиры, не находя себе места. Одевалась и уходила гулять. Прогулки заканчивались в одном месте – в зоопарке. Там проводила время до вечера, бродя от клетки к клетке, общаясь с давними знакомцами – уж им-то она могла доверять, – и, завернув по дороге в гастроном, возвращалась домой.

Примерно через неделю Пироговы пригласили ее в гости, на воскресный обед. И там Владлена Николаевна с Михаилом Петровичем сделали странное, на ее неопытный глаз, предложение, а именно переехать жить к ним.

– Тебе только пятнадцать, – увещевала Владлена. – Даже паспорта нет. Тебя отдадут в интернат. Квартира пропадет. А так мы заберем тебя в семью, ты ведь всегда была нам как родная. У тебя будет своя комната. А в вашей квартире пока поживет мой брат с семьей. Ему предложили место в Москве, а жилплощади нет. Будешь совершеннолетняя, все обратно на тебя переформируем.

– Переезжай, Нюшка, веселее будет, – поддержала жизнерадостная Светка, – а то одна совсем одичаешь.

И Нюша согласилась. В любом случае ей было неуютно и страшно оставаться в квартире, где умерла вся ее семья.

На следующий день она, собрав пожитки и оставив мебель (что было естественно, не тащить же ее к Пироговым, у них и так все заставлено), переехала в дом на Л. Толстого, прямо за метро «Парк культуры», рядом с пряничной церковкой.

Два года спустя. Квартира Пироговых.

В большой гостиной с дорогой и безвкусной обстановкой на фоне уличного шума слышны всплески девчоночьего смеха. Света и Нюша вертятся перед огромным зеркалом, примеряя бальные платья. Одна – полноватая, русая, в кудряшках, голубоглазая. Другая – тоненькая брюнетка с прямыми волосами до плеч и узкого разреза светло-карими глазами под разлетающимися бровями. Обе хороши и беззаботны. И обе светятся в ожидании праздника.

– Ты такая красивая, Светка! – с искренним восхищением говорит Нюша. – Недаром все мальчишки – твои.

– Да уж... только проку от них.... Кроме поцелуев и шупаний... А мне принц нужен. И чтобы сразу все. У меня времени ждать нету – год – и восемнадцать! – Заметив, что Нюша еще толком не одета: – Что ты возишься! Машина сейчас придет!

Слышен звук приближающихся четких шагов. Дверь в комнату открывается, входит Пирогов. Он в парадной военной форме, прекрасная выправка, на губах – подобающая случаю улыбка.

Света бросается ему на шею, осыпает поцелуями.

– Папка! Посмотри! Как я тебе?!

– Красавицы! Обе! – говорит Пирогов, пытаясь защититься от бурного натиска. Он целует обеих. Принимает торжественный вид. – Сегодня очень большой и важный день в вашей жизни, девочки! Окончание школы! Вы выходите в большую новую жизнь! Но это не только праздник. Это время задуматься о будущем.

– Пожалуйста, папа! Только не сегодня! – капризно говорит Света.

– Именно сегодня. Я уже обо всем договорился. Это, впрочем, мой долг... – Он делает продуманную паузу. – А теперь – главный сюрприз! – Девушки смотрят на него с интересом. – Вам приготовлены два места в Морисе Торезе, будете обучаться иностранным языкам. Вступительные экзамены для вас – чисто символические. Кто надо – в курсе.

– Но я терпеть не могу иностранные языки, папа! – корчит Света недовольную гримасу.

– Ты вообще терпеть не можешь учиться. Но диплом иметь должна.

– Я вам очень благодарна, дядя Миша, – тихо произносит Нюша. – Но вы же знаете, я всю жизнь мечтаю о юридическом. А с моей медалью мне достаточно сдать один экзамен в университет.

– В университет?! А сразу в ООН не хочешь? Надеюсь, ты шутишь!

– Не шучу.

– Нюша, – смягчает тон Пирогов, беря ее за плечи, – ты знаешь, твой отец был моим другом и ты для меня как дочь... Я никогда не делал разницы между тобой и Светланой. Но, поверь мне, это невозможно.

– Почему, дядя Миша?

– Ты знаешь не хуже меня – в любом престижном вузе нужна анкета. «Дело» твоего отца закрыло тебе все двери. Без меня тебя никуда не возьмут.

– Я даже толком не знаю, кем был мой отец. И вы же говорили, что его убили! Он же не виноват! И вообще, я не хочу отвечать за него!

Нюша в слезах выбегает из комнаты.

Большой Актный зал Московской школы №1. Вечер.

Зал украшен гирляндами цветов, под потолком летают воздушные шары.

Выпускной бал в разгаре. На сцене вокально-инструментальный ансамбль исполняет «Для нас всегда открыта школы дверь» из фильма «Розыгрыш». Выпускники вальсируют, сбиваясь на вольный «медленный» танец. На столах, покрытых белыми скатертями, бутылки с «Байкалом», «Тархуном», пирожные. Около них толпится молодежь. Повсюду слышны взрывы смеха, оживленные разговоры. Некоторые парочки пробираются к выходу.

На улице, под аркой, тоже толпятся ребята – по кругу ходит бутылка красного вина.

Появляется гитара, звучит песня Высоцкого. Девочки в белом собираются группками и разлетаются вновь, как бабочки.

В укромном уголке целуются.

Раздаются звуки фейерверка. Небо расцветает яркими огнями.

Группа молодежи стоит на берегу Москвы-реки, напротив гостиницы «Украина». Начинается фейерверк на другой стороне. Ребята, держась за руки, как зачарованные смотрят в небо. На их лицах – отсветы разноцветных огней.

Одна ракета падает в воду, осветив на мгновение набережную. На лестнице, внизу, у самой воды – силуэт Нюши. Она неподвижно смотрит на темную гладь, в которой вспыхивают отражения праздника.

Но видит она совсем другое.

...Такие же отсветы фейерверка на воде. Слышатся крики «Ура!». В воздух взмывают воздушные шары – Нюше хочется отпустить свой, но жалко...

Она сидит верхом на шее у отца, рядом стоит мама, приобняв за плечи брата Шурку. Им всем так весело! Так хорошо! Огни над рекой такие яркие! Вокруг так много народу!

По другую сторону от отца молодой мужчина – он чуть ниже. Девочке сверху хорошо видны его белокурая макушка и широкие плечи. Они с отцом что-то весело обсуждают. Вот мужчина поднимает голову. Нюша видит смеющееся лицо. Мужчина уговаривает ее отпустить шарик на свободу. Она разжимает ладошку, и шарик улетает в небо. Мужчина смеется и, вытянув руку вверх, шутливо дергает ее за нос. «Ай!..» – вскрикивает она капризно-кокетливо...

Нюша очнулась от видения: фейерверк закончился, все разошлись, а она в полном одиночестве галлюцинирует наяву. И в ту же минуту Нюша поняла, что она не просто одна сейчас, сию минуту, – она вообще одна. Что у нее нет ни родной живой души, ни близкого плеча, на которое она могла бы опереться.

Всю ее уже давно затопила боль – мучительная, хуже зубной. Иногда казалось, что боль отступала. Но потом она возвращалась, являлась из воздуха, из чужих слов, из глубин ее собственного естества. И самое тягостное – боль никто не мог с ней разделить. Да Нюша и не хотела делиться ею ни с кем.

Глава 6

«Я отвалился от компьютера...»

Я отвалился от компьютера – плечи ломило, в глазах прыгали мушки – что-то сегодня заработался. Если это можно назвать работой, конечно... Очень хочется впихнуть в сюжет невпихуемое...

Моя «Женщина с дурными намерениями» обретала формы, обрастая плотью и наполняясь кровью. Мне самому становилось интересно, куда вырулит интрига. Хорошее развлечение, если уж взялся графоманить.

О, Господи! Лучше было бы уж совсем не развешивать срамных уст. Кому нужен этот бред?! Все стоящее давным-давно написано без меня. Множить опусы для домохозяек? Но кто-то должен писать и для домохозяек. Почему бы не я? Если люди готовы читать все, что угодно, я готов писать для них что угодно.

Я не носитель культуры – я ее разносчик и подносчик.

И образ жизни веду соответствующий – среднестатистический буржуа, живущий на ренту и подрабатывающий пис-с-аниной для еще больших посредственностей. Мой агент уверяет, что бабье плачет, читая мою жвачку. Тем лучше, издателям только это и нужно. Не на философ же им ориентироваться.

А мне нужен какой-никакой социальный статус, не могу же я существовать в качестве бывшего... не важно кого... Особенно здесь, во Франции, где второй вопрос (после уточнения имени): «Чем вы занимаетесь в жизни?» Попробуй скажи, что ничем, – сразу окажешься в вакууме. А так – ПИСАТЕЛЬ (правда, я предпочитаю «литератор» – более туманно и можно замести следы).

И, говоря начистоту, я не писатель, а писательница. Это совершенно развязывает руки – если пишет женщина, то любой бред воспринимается как нечто естественное. К тому же женская литература (без кавычек) сейчас намного моднее мужской (тоже без кавычек).

Я – звездатая писательница, новая Барбара Картленд, только со щетиной. Не более, но и не менее.

У меня есть приятель – француз, молчун, умеющий слушать, – редчайшее качество для представителей этой нации. В один прекрасный день я увидел его в модной литературной передаче по ящику – его представляли как интереснейшего поэта.

Купил книжку. Прочел. Не понял ни-че-го.

При встрече, сославшись на несовершенство своего французского, попросил его прояснить пару строф. Приятель не только прояснил, но и объяснил, смеясь, что стихи пишет в качестве лечебных упражнений по совету психоаналитика, так как, будучи клиническим дислексиком, нуждается в специальных экзерсисах. Его знакомый, издатель, решил для прикола опубликовать вирши.

– Дело не в твоём французском, а в идиотском снобизме «специалистов», – объяснил мне виршеплет с подкупающей откровенностью человека без литературных амбиций.

Это стало для меня потрясением.

Передо мной замаячили неограниченные возможности.

Тогда-то я и придумал беспроектный ход. То, что я напишу, надо объявить пародией. И не просто пародией, а пародией изысканной, для избранных. Для посвященных. Демократия в искусстве – дурновкусие. Читатель должен быть избранником. Неизбранные же пусть воспринимают все однозначно, прямолинейно, в лоб – так им, недоумкам, и надо. Им невдомек,

что автор просто, как говорят теперь посвященные, стебается. А попробуй-ка покритиковать всерьез стеб и пародию – прослывешь неврубившимся. И заявлю я свой «шедевр» в жанре постмодернистского романа-трэш – тогда совсем уже будет все позволено. Exercice de style, так сказать... литературные игры. Основная задача – не грузить читателя. Идеально, чтобы главные герои многозначительно молчали, отказавшись от ненужной роскоши слов... Но тогда не получится романа, объема. А как же деньги? Их по-прежнему платят за количество слов. К сожалению. Но с самого начала я знал, что управлюсь... Зачем клясться кровью, когда можно просто слюною...

От своих дорогих (буквально) баранов (буквально) вернусь к своей же героине...

У нее появилось лицо, моделью которого послужила выразительная физиономия ветеринарши с улицы Грез. А к такому лицу легко довообразить характер.

Итак. Горда, независима, в душе авантюристка. Умна (природно) и смешлива. Привлекательна почти до неприличия, знает об этом, инстинктивно пользуется, но делать на это ставку в жизни считает ниже своего достоинства (это докторица, моя-то романная куколка только на свою внешность ставку и делает).

Следующий этап – придумать героине жизненный пробег позабористей. Посадить на хвост (в прямом и переносном смысле) какому-нибудь олигарху (русскому, японцу, американцу) и позволить позабавиться. Пусть «помогает» ему – тусуется на аукционах с такими же полушлюшками, как сама, на европейских языках (очень способна во всех отношениях) дает советы, какие картины и почему покупать (специально окончила курсы и теперь «понимает» в искусстве). Летом плавает на яхте по Средиземноморью, зимой на лыжах в Куршавеле. Между делом заводит нужные знакомства, заодно шпионит в пользу конкурентов (лучше работать на нескольких работодателей, чем на одного, особенно в ее положении). Ну и, конечно, приглашает для себя следующего партнера, более надежного и менее уголовно уязвимого.

А как насчет трагической биографии? С тайной, с головокружительным жутким планом мести (месть – женское понятие о справедливости)... Нина – имя подходящее для героини. В этих звуках холод стали и уязвимость мягкости. В финале – встреча с потенциальной жертвой. Кошки-мышки. Соблазнить-убить. Бедняжка влюбляется, заигравшись.... Наивна, как цветок... Нина наивна...

Нет, это слишком...

И все же пора выбрать – демоническая героиня или дурица из иронического детектива. Знаю, знаю: нужно начать писать, герои сами выведут на нужный меандр.

Наивна, как цветок... Нина наивна... не позвонить ли Ниночке... опыт старого котяры говорит, что она тоже не прочь позабавиться без последствий... похоже, ее даже в пятницу вечером никто не ждал, несмотря на важное «мне пора»... странно для такой красотишки... может, слишком требовательна – все или ничего... может, стервоза... такие бывают великолепны в постели, но невыносимы в других обстоятельствах... мне-то что?.. меня интересует первая часть, который месяц в простое и на горизонте – ни-че-го... улыбка у нее хорошая... рот, хотя и большой, глупостями не сыплет... с вопросами не лезет, биографию не рассказывает... Додик ее оценил...

– Правда, Додик? – Я почесал кота за ухом, он зевнул во всю львиную пасть и захватил лапами палец – для покусывания и лизания. – Недаром же я забыл у нее твою вторую таблетку от глистов... Сегодня четверг, как раз неделя – паузу для приличия выдержал...

– Алле? Да? – голос по телефону почти неузнаваем.

У меня есть теория относительно женских «алле», по которым определяется не только характер и склонности, но и степень готовности к авантюре. В короткое восклицание женщина способна вложить массу смыслов. Возгласом из четырех букв можно соблазнить, дать надежду, отвалить. Бывают голоса поставленно-умные, искусственно-таинственные, безнадежно усталые и т. д. Но об этом как-нибудь позже.

Нинино «алле» было спокойным, доброжелательным и нейтральным. После того как я представился «папой Адониса», тон потеплел. Я даже различил улыбку, раздвинувшую ее припухшие губы. Нина без ломания согласилась на предложение «провести пятничный вечер традиционно вместе». Выяснилось к тому же, что завтра она заканчивает в три и не прочь проветриться. Это меня устраивало, мне тоже время размять ноги и проветрить мозги.

Я собирался играть в обаятельного бездельника-гедониста и выглядеть значительным и саркастичным, но, как говаривал некто, если общаешься с идиотами – будь проще. Это я о самом себе и себе же.

Колесо моей машины – двухместной спортивной BMW-фишки, которая должна была стать частью программы соблазнения ветеринарки – заклинил полицейский желтый сапог. Правда, я припарковал авто не в самом лучшем месте – на livraison². Но не до такой же степени!

Планы срывались. Девушки не менее падки на классные машины, чем мы, дурачье. Для нас это красивая игрушка. Для них – признак благополучия, стабильности и определенного статуса. Что важнее. Я лишился главной приманки. Значит, придется возмещать утраченный элемент. Но чем?

Непонятно, как теперь добираться до места встречи – то есть до улицы Грез. Такси – слишком близко. Метро – бессмысленно. Пока добегу до своей станции «Passy», пока доеду до ее «Rue de la Pompe», к тому же с пересадкой, пока пробегу еще полквартала – получится дольше, чем пешком. Пешком – тоже... С утра сыпал противный дождь. Внизу – лужи, сверху валится какая-то гадость, а я в замшевых туфлях и с букетом белых роз...

Делать нечего, времени в обрез.

Как последний идиот, я запрыгал козлом через лужи, нежно прижимая букет к груди.

О романтической прогулке в такую погоду не могло быть и речи. Пришлось придумывать новую программу. Я прибег к своей коронке. Ох, а если бы она оказалась стоматологом? Собачьим стоматологом? И у меня схватило бы зуб, когда мы наконец-то... И она с гигантскими клещами, голая... Похоже, я слишком много работаю.

Возвращаюсь к своему коронному приемчику. Парижские катакомбы – вот романтика, вот тайна! Главное – дико оригинально.

Читатель, кто из вас приглашал девушку на первое свидание в столь милое местечко? И напрасно вы пренебрегали замечательной возможностью узнать о характере вашей нимфы как можно больше – под землей натура проявляется как нигде.

Я использую это милое местечко в качестве лакмусовой бумажки, лабораторной проверки на состояние ума, которая во многие разы ускоряет процесс знакомства и помогает вытащить наружу запряженные комплексы и распознать степень готовности объекта к любовной авантюре.

В царстве мертвых, среди черепов и костей, и дурак и умный в равной степени подвержены резким колебаниям настроений. Это чревато прострацией, которую можно назвать философской. Тебе буквально показывают, чем кончается любая жизнь, что остается от человека, кем бы он ни был – вельможей или простолюдином, святым или мерзавцем, палачом или жерт-

² Место для разгрузки товаров с машин, запрещенное для парковки. (Прим. ред.)

вой, – в голове, как в трансформаторе, переключается напряжение и человек настраивается на соответствующий лад.

Тут-то самое время посмотреть на испытываемую исподтишка, наострить уши и приготовиться к неожиданностям.

Сколько глупостей и банальностей я наслушался во время подземных экскурсий! У меня есть блокнот, который называется «Катакомбные откровения». В основном рассуждения по поводу жизни и смерти, преходящего и вечного.

«Вечность длится, наверное, очень долго, в том числе и сейчас. Но к ней все равно трудно привыкнуть».

«Не хочу, чтобы мой скелет выставили на обозрение. Вдруг в нем обнаружатся дефекты» (сказано Майей).

«Наконец поняла про себя что-то ужасно важное». – «А именно?» – поинтересовался я. И получил неожиданный ответ: «Чувствую себя как айсберг». – «Так холодно?» – «Нет. Просто самое главное у меня в нижней части, под водой. Как здесь, в катакомбах», – привела моя спутница не совсем вразумительное сравнение. Это дало повод задуматься, не приглашают ли меня обследовать подводную часть айсберга. Оказалось, речь шла всего лишь о «творческом потенциале».

Не каждый же раз попадать на хорошеньких интеллектуалок, выдающих что-то вроде: «Я часто не знаю, что делать со своим временем. Зато время точно знает, что делать с такими, как я».

Склонная к экзальтации поэтесса: «Я воспринимаю собственную жизнь исключительно как перформанс». Эта мадемуазель озадачила меня, заявив, что «у черепов разное выражение лиц». Я взгляделся. И удивился – поэтесса была права. «Как ты думаешь, можно в последние минуты жизни повлиять на посмертное выражение лица?» – спросила она чисто по-женски. «Думаю, да, – ответил я, поразмыслив. – Например, если оскалиться при последнем вздохе, или вздернуть надбровные дуги в удивлении от встречи с вечностью». Девушка принялась примерять всевозможные выражения на свое кукольное личико, чем вызвала у меня истерический приступ смеха, неадекватный месту.

– Посмотри на этот милый скелетик, – продолжала хорошенькая насмешница – репрессированный половой эксцентрик, – с такой-то формой таза!

Не хочу выглядеть нетерпимым. Наоборот, я весьма снисходителен – всем даю поблажки и в первую очередь самому себе. Но я не могу поступиться эстетическими принципами. Намеренно задираю планку на почти недостижимую высоту. Делаю это для того, чтобы мне самому не пришлось в голову, будто я достиг верха. Как бы там ни было, от пошлости и безвкусицы это ограждает. К тому же я совершенно не выношу некрасивость. Уточняю – не уродство (оно бывает притягательным, особенно для писателя. Да, да, помню, литератора!), а именно некрасивость от распушенности – толстые тела, гнилые зубы, безвкусица в одежде, дурные манеры.

С юности вид грязного воротничка, обкусанные ногти, какой-нибудь «пинжак» или «я – с Ленинграда» отбивали у меня охоту ухаживать. От неумения спутниц вести себя за столом мне становилось физически плохо. Я не терпел даже высасывающий звук с целью освобождения застрявшего в зубах кусочка. Помню, как я, к ужасу гостеприимной мамы, не приглашал знакомых к столу, предпочитая голодать самому, только бы не рисковать. И теперь я зову девушку в ресторан, будто на экзамен, – эстетствующий буржуа, *enculeur de mouches*, говорят о таких французы (выражение, переводимое примерно как любитель мушиных задниц и означающее маниакальное пристрастие к деталям).

– С розами – в катакомбы? – только и сказала Нина. Предложение прогуляться под землю ее нимало не удивило.

Решили оставить цветы в кабинете. Коллега-сменщик Нины, рыжий месье Перрен, бледнокожий, весь в веснушках, явный сексуальный левша, ничего не имел против, заметив, что и сам не прочь получать такие розы в качестве «признательности за свою деятельность». Неугомонное воображение тут же нарисовало двусмысленную картинку. Кстати, мне абсолютно все равно, какие у человека интимные предпочтения и какой стороной кверху он предпочитает находиться в постели.

Нам повезло, мы почти сразу поймали такси и поехали на Данфер-Рошро, к месту начала экскурсии.

Что касается меня, то из всех многочисленных посещений этого места мне больше всего запомнилось первое. Именно тогда в одном из неглавных залов, стены которого сверху донизу представляли собой мозаику из черепов всех размеров, включая детские, скелетов и отдельно взятых тазобедренных костей, я увидел в углу женскую туфельку. Одну. Туфелька была изящной и на вид дорогой. Как она могла там оказаться?! Если бы речь шла о другой части туалета, бюстгальтере или трусиках например, еще можно было бы понять – какой-нибудь шутник решил устроить маленький перформанс в макабрическом стиле. Но туфелька! Не Золушка же приходила сюда на свидание. А если и Золушка... Так испугалась? Уж не принца ли?! Ускакала на одной ноге? Или запустила обувкой в свою мечту и решила не поднимать сама, а принц из-за лени не нагнулся? Почему никто не поднял до меня? Решили, что туфелька принадлежала одному из скелетов? Объяснения не находилось. Я, предварительно постреляв глазами в разные стороны и убедившись, что в зале никого, кроме меня, нет, поднял находку и положил в карман плаща. А потом поставил дома на письменный стол в качестве талисмана.

Ура! Ура! Нина ни разу не оскорбила меня – ни мои глаза, ни мой слух. Ни жестом, ни словом.

«Вечность сокращает жизнь», – элегически заметила она.

Я полностью согласился с Ниной. И предложил каждый божий день, начиная с сегодняшнего, считать первым днем оставшейся жизни. С бесцеремонностью времени нужно бороться, и только женщина может его остановить, пусть ненадолго.

Я так и не понял, что спасло Нину от моих придиричьих взглядов и вербальных провокаций. Интуиция вкупе с природной грацией или продуманная манера поведения и кошачья осторожность в общении с мужчинами.

С одной стороны, конечно «ура». А с другой, задача моя осложнялась – будет не просто довести ее до финального аккорда. И опрокинуть...

Когда мы наконец выбрались на свет, был восьмой час. Стрелки двигались к следующему пункту программы – ресторану.

– Знаешь, – сказала она (в подземелье, в непосредственной близости к вечности, мы незаметно для себя самих перешли на «ты»), – если ты не против, я бы хотела заехать домой, переодеться. А то ты вон какой шикарный, а на меня сегодня собаку вырвало.

Я был не против. Мы поехали к ней.

Нина снимала двухкомнатную квартирку в Семнадцатом округе, на бульваре Перрер, в старом доме, на последнем, пятом этаже, без лифта, зато с маленьким балкончиком, выходившим в крохотный зеленый дворик. Жилище благодаря разнокалиберной мебели и ярким тканям, скорее всего индийского происхождения, которые украшали диван, стулья, стол, абажуры, выглядело богемным, но уютным.

– Располагайся, – сказала она, – бар там. – И, включив радио, настроенное на классическую музыку, удалилась «на минуточку».

К счастью, в баре нашлась бутылка виски. Непочатая. Я свернул ей головку и, налив в стакан разумную дозу, уселся на диване. Звучала увертюра к опере «Сорока-воровка» Россини – лучшая часть этого творения. Музыка в сочетании с катакомбными впечатлениями и ополовиненной дозой алкоголя настроила меня на философско-лирическую волну. Я решил насладиться моментом.

Вообще мне это несвойственно. Я не умею наслаждаться моментом, даже самым счастливым. Мешает смещенность во времени по отношению к этому самому моменту – чисто техническая (а может, психическая) издержка мозговой деятельности.

Например, в данный момент я пребывал в следующей стадии, а именно – предвкушал всеми железами внутренней секреции ужин в любимом ресторанчике, где предусмотрительно заказал столик: ароматная запеченная ножка молодого барашка с тмином в сопровождении домашнего пюре.

Началось обильное слюноотделение.

Желая отвлечься, я принялся прикидывать, сколько все-таки понадобится времени и усилий, чтобы довести дело до заключительного аккорда – до заветного момента, когда Нина, полужакрыв глаза, сдастся под моим ненавязчиво-навязчивым натиском, – неделя, две, месяц?

Девица, судя по всему, попала не из легких – придется завоевывать, как крепость... так даже интереснее... брать жертву нахрапом... затаиться и ждать добычу, как паук... применить все известные мне способы, чтобы она первая потеряла голову...

Размышления прервались самым неожиданным образом. В комнату вошла Нина, закутанная в белый махровый халат. Под ним она была очевидно-голая и еще влажная после душа – капельки воды скатывались на босые ступни. Я хотел отреагировать остроумным (конечно!) замечанием, но не успел.

Нина подошла, высвободила судорожно зажатый в моей руке стакан, поставила на столик и, усевшись на колени, обвила мою шею руками. Подставила рот для поцелуя...

Пока я целовал ее, она раздевала меня, не церемонясь, – пуговицы с рубашки, естественно, посыпались в разные стороны, а галстук, разумеется, едва не превратился в удавку. Даже в эти мгновения я еле удерживался от смеха: кино властно вошло в нашу жизнь, и мы властно вошли в кино. Почта... Телефон... Телеграф... Интернет-провайдеры... кабель на дне Тихого и других океанов... Как я любил в детстве «Гайну двух океанов»! Хотя бы двух. Тогда я не мог представить, как это меня касается... Нина касалась меня...

Потом мы, продвигаясь рывками и короткими перебежками, залипая по дороге на стенках, сбивая стулья-вазочки и срывая индийские тряпочки, оказались в спальне.

То, что происходило дальше, более походило на схватку обезумевших вампиров, чем на первое романтическое телесное сближение.

Так-так! Давай-давай! Это тоже можно вбить в башку Негодяйке.

Давненько мною так не пользовались. Нина умудрялась воздействовать одновременно на все органы чувств и просто органы. «Может, этому учат в ветеринарных академиях?» – подумал я, почти теряя сознание.

Нина успокоилась, только опустошив меня до последней капли, вынув из меня душу и вырвав слова, которых я не произносил давно. На самом деле я просто несколько раз проваливался в другое измерение и слова являлись именно оттуда.

Потом мы подождали, пока тела перестанут дымиться, и кинулись голыми на кухню искать съестное.

Я в мгновение ока бросил на сковороду все, что нашлось в холодильнике: яйца, помидоры, болгарский перец, зеленый лук.

– А кусочка бекона у тебя не найдется? – спросил я с надеждой.

– Мяса в этом доме не бывает!

– Мы вегетарианцы? («Ну конечно!» – этого я не сказал.)

– А ты как думал? Не могу же я их и лечить и есть!

(«Как раз лечить и есть – высший пилотаж; девочка, ты пока не тянешь» – но и этого я не сказал.)

А сказал:

– Мне с полчаса назад показалось, что я попал к людоедке...

– Одно другому не мешает, – ответила она невозмутимо.

И тут я почувствовал, что Нина не только слушала, что я ей говорил, но и читала мои мысли.

К черту мясо! Зато в холодильнике нашлась бутылка пива для меня.

Мы ели то, что было. Молча. Недоверчиво поглядывая друг на друга – действительно ли нам было так хорошо? Или показалось?

Проглотив последний кусок, молча бросились обратно в спальню.

Все заново. Более цивилизованным манером, но с не меньшим накалом.

Потом, видимо, оба провалились в небытие.

Проснулись тоже одновременно, обжегши друг друга телами. Полежали тихо, взявшись за руки.

И тут Нина задала сакраментальный вопрос:

– Что ты думаешь о смерти?

Экскурсия в катакомбы не прошла для нее даром.

Впрочем, когда философствовать по поводу вечных вопросов, если не после ночи любви!

– Чего о ней думать! Это самое очевидное, самое предсказуемое и самое неизбежное событие в жизни. Живым из жизни не уйти никому, – глубокомысленно заметил я.

– Что ты думаешь о своей смерти? – уточнила она.

В ответ я прочел кусочек стишка, выловленного недавно в Интернете:

Между телом и душой
Промежуток небольшой,
И поди там разбери –
Что снаружи, что внутри.

Если душу не вложить,
Человек не станет жить,
Но без тела и душа
Не протянет ни шиша...³

– Так нечестно, – запротестовала Нина. – Скажи своими словами.

– Мои мысли о смерти заканчиваются одним – я представляю себя в гробу, со смиренно сложенными на груди руками и наконец-то с умным выражением лица. И ни о чем больше не надо беспокоиться, обо всем вынуждены позаботиться другие. У них не будет другого выхода – не бросать же меня на съедение бродячим собакам, – выдал я выношенное соображение, пытаясь изобразить на лице смесь мягкой грусти и легкой иронии.

³ И. Иргеньев.

– А как насчет тех минут, которые предшествуют последней? – не унималась Нина.

– Перед смертью я боюсь держать себя не слишком учтиво – когда люди умирают, они не отвечают за собственные манеры. Надеюсь, последние минуты или часы я буду без сознания... Переменим тему? Я что, так напоминаю труп, что ты не можешь сдержаться?

– Пожалуйста! Для меня это важно, – настаивала она. – Мне хочется знать, что ТЫ об этом думаешь. Вдруг я тебя больше никогда об этом не спрошу. И... не спрашивала же я тебя об этом в катакомбах, – добавила она.

Это уже слишком. Не поменялись ли мы ролями? Кто кого пытается проверить на вшивость.

– Видишь ли... – начал я осторожно. – Был такой период в моей жизни, когда у меня оказалось достаточно времени для размышлений. Можно даже сказать, что я намеренно посвятил этому несколько лет, удалившись, насколько это возможно, от суеты. Изучал философию, религии, шаманизм, алхимию и каббалу. И все только для того, чтобы научиться жить, поняв, что ты смертен. Собственно, все перечисленное именно для того и существует, чтобы ты однажды понял. Причем, умрешь ты от атомной бомбы или от аппендицита, особого значения не имеет. Важен факт смерти как явления. И то, что ее не удалось избежать никому.

– Ну и... – Нине явно не терпелось.

– ...и ничего... Человек не может смириться с этой мыслью. И все. Будь он высоколобым философом или представителем примитивного племени из амазонских лесов. Мусульманские мистики, суффисты, например, говорят, что перед Богом ты должен вести себя так, как если бы тебе осталось жить секунду. Перед людьми – как если бы перед тобой была вечность. Дзен-буддисты предпочитают об этом не думать, а жить, словно плыть по течению, в своем потоке. Что касается меня, то мне очень хочется дожить до посмертной славы. А в данный конкретный момент я боюсь, что метафизический сквознячок может выдуть мои последние мозги.

Нина рассмеялась и потребовала вина:

– В баре должна быть заначка.

При этом Нина блаженно улыбалась и сияла глазами с видом человека, победившего в тяжелом бою и теперь справедливо торжествующего победу.

Пиррову?..

Я посмотрел на часы – пять. Нина нарушала установленный веками порядок – сначала набросилась на меня как тигрица, вместо того чтобы, как положено приличной девушке, ждать, когда ее соблазнят, не выпила ни глотка спиртного за весь вечер и бурную ночь, зато теперь, на рассвете, после выяснения отношений между жизнью и смертью, подавай ей вина.

Я высказался на эту тему.

Нина ответила, что, во-первых, она не приличная, а во-вторых, ей было не до того – руки и рот были заняты.

– И не забудь повязать галстук, когда вернешься с подносом, – крикнула она мне, голому, вслед.

У женщины обычно гораздо больше претензий к повседневности, чем к вечности. Мне достался необычный экземпляр, без паузы переходящий от одного к другому.

– По-моему, ты абсолютно безнравственна, – заключил я, подавая ей вино и ломтик козьего сыра.

– Знаешь, забота о моей нравственности провоцирует меня только на большие безобразия, – призналась Нина. – Поди-ка сюда, – поманила она меня пальцем и откинула одеяло. – Выпей со мной и вкуси...

Боже! Она была неописуемо, обжигающе хороша!!!

Я проснулся. На полу, рядом с тапочками, нашел записку, накарбанную на обороте приглашения на какой-то профессиональный семинар. Там значилось: «***** (по европейским нормам). В награду свежий круассан на кухне». Я сообразил, что меня оценили по системе отелей – в звездочках. Ключи от квартиры лежали рядом.

Домой я возвращался вприпрыжку, как подросток с первого удачного любовного свидания. Все во мне пело, то и дело пуская петуха.

Я думал о том, что моя новая возлюбленная обладает внешностью и характером, мечту о которых лелеют все мужчины – романтики, циники, профессиональные сердцееды, сентиментальные прохвосты и даже сутенеры. Естественно-ребячливая, страстно-опытная (очень хотелось думать, что этот опыт именно от природы) любовница и верный друг (это я пока только угадывал). Помножить на фонтанирующую женственность. Прибавить сумасшедшее, ничем в реальности не подкрепленное чувство, что это *твоя*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.